

[Дун Чуань]: Я не ваш самый любимый малыш.jpg

[Дун Чуань]: Моя гениальность не помещается в этой группе.jpg

Дун Чуань хотел отправить ещё мем, но обнаружил, что сообщения не отправляются.

Внизу появилось системное уведомление: [Вы были удалены из группы Дун Хаем].

Дун Чуань:

— ...

Надо успокоиться, это родной брат, действительно родной.

Чэн Пэнфэй поднялся с похмелья, он ещё не совсем пришёл в себя и не понимал, где находится.

Только когда Сяо Даньта запрыгнул на кровать и начал тереться о него, он со вздохом взял кота на руки и принялся его тискать.

— Не мешай папе спать, иди играй.

Сяо Даньта тут же выпрыгнул из объятий Чэн Пэнфэя, наступил на ногу Дун Чуаня и умчался прочь.

— Голова не болит?

Чэн Пэнфэй кивнул, взял кашу и начал медленно её есть.

Дун Чуань подождал, пока он закончит, поднял руку и тронул его жёлтые волосы:

— А теперь объясни, откуда этот жёлтый цвет?

— ...

Чэн Пэнфэй объяснил всё с начала и до конца:

— Разве это так уродливо? Я подумал, что пока не буду стричься, чтобы к моменту съёмки отросли чёрные корни, это больше подходит для роли.

Зная, что этот человек, когда погружён в работу над ролью, никого не слушает, Дун Чуань не стал говорить лишнего, лишь надул губы и прижался к нему, точь-в-точь как Сяо Даньта.

— В следующий раз, когда будешь что-то делать со своим телом, скажи мне заранее, ладно?

Чэн Пэнфэй согласился, потянулся к уху Дун Чуаня и спросил:

— Я вчера не доставлял тебе хлопот?

— Ещё как доставлял! Очень сильно. У двери я хотел снять с тебя обувь, а ты не давался, лез ко мне на руки. С трудом уложил тебя в кровать, а ты мыться не захотел, сказал, что только вместе. Стоило мне отвернуться на секунду — ты смотрел так, будто у тебя деньги украли. Зато в ванной вёл себя очень послушно: стоило сказать «стой» — стоял, «садись» — садился. Когда я мыл тебе тело, ты прятался, боялся щекотки, а потом вдруг поворачивался и начинал

назойливо звать «хороший братец». Эх, да ты не для актёрской игры рождён, а чтобы меня мучить!

Чэн Пэнфэй не знал, где тут правда, а где ложь, и, покраснев, зарылся лицом в одеяло.

Дун Чуань не смог стянуть одеяло и просто обнял этого человечка-колобка:

— Шучу, ты не доставлял хлопот, вёл себя очень хорошо, как будто и не был пьян. Я даже постеснялся воспользоваться ситуацией и пошалить.

Из-под одеяла раздалось невнятное бормотание.

Дун Чуань улыбнулся и спросил:

— Что ты сказал?

— Я сказал... что в следующий раз можешь воспользоваться ситуацией.

— Правда? Всюду могу трогать и целовать?

— ... — Чэн Пэнфэй снова замолчал, протянул руку и затащил Дун Чуаня под одеяло.

Они немного пошумели там, а когда высунулись, оба глупо ухмыльнулись.

Чэн Пэнфэй, следуя своему графику, часто ходил на занятия в компанию. Манера преподавания Ци Юя была похожа на университетскую, Чэн Пэнфэй многое услышал и, сопоставив с тем, что ранее рассказывал Дун Чуань, значительно расширил свой кругозор.

После занятий Жумин забирала Чэн Пэнфэя домой. У Дун Чуаня не было особых дел, он целыми днями сидел дома и перечитывал книгу «Как воспитывать питомца».

Услышав шум, Дун Чуань поднял глаза и окликнул его:

— Так рано вернулся?

— Угу, у старшего Ци сегодня были другие дела, он ушёл на полпути.

Чэн Пэнфэй снял пальто и в тонком свитере уселся вместе с Дун Чуанем на ковёр перед диваном.

Дун Чуань отложил книгу и сказал:

— У Ци Юя действительно есть чему поучиться, он старый мастер, у него ты тоже многое почерпнёшь.

— Он много рассказывал о тебе.

— Только не слушай, если он плохое говорит.

— Какое там плохое. Он сказал, что ты даже не поступил в киноинститут, хотя сдал творческий экзамен, и вместо этого пошёл в другой университет, не понимаю, о чём ты думал. — Чэн Пэнфэй сказал это и прислонился к плечу Дун Чуаня. — В какой университет ты поступил?

Дун Чуань подумал:

— Университет Хуа, строительные технологии. Помнишь режиссёра Чэня? Когда он снимал «Императора», мы с ним хорошо сошлись. Я одновременно учился в университете и посещал дополнительные занятия в киноинституте, так что по сути не сильно отличаюсь от выпускника.

Университет Хуа...

Чэн Пэнфэй помотал головой:

— А чему учат в киноинституте?

— Все учат: взгляду, репликам, движениям, всему понемногу. — Дун Чуань предложил:

— Может, я тебя научу?

— Хорошо.

— Помню, когда я только начал ходить на занятия, преподаватель по пластике сказал, что нужно учиться у животных, представлять себя животным, забыть своё первоначальное «я». — Дун Чуань ущипнул Чэн Пэнфэя. — Проверю тебя: изобрази дятла.

— Дятла? — Чэн Пэнфэй прищурился, пытаясь вспомнить, как выглядит дятел.

Дун Чуань, смеясь, обнял его покрепче:

— Да, дятла, который использует мой рот как дерево.

Чэн Пэнфэй замер, а затем его уши моментально покраснели.

Хотя они уже были вместе, шутки этого человека по-прежнему заставляли его краснеть.

Чэн Пэнфэй не хотел строить из себя недотрогу, поднялся и осторожно поцеловал его в уголок губ.

Сердце Дун Чуаня растаяло, он полубокачил его за талию и пробормотал:

— Какой же ты послушный...

Затем углубил поцелуй, а Сяо Даньта в это время прошёлся у него по спине, оставив несколько следов-«цветочков».

В пылу страсти всегда сложно себя контролировать, рука Дун Чуаня потянулась к его штанам.

Чэн Пэнфэй вздрогнул и схватил Дун Чуаня за руку.

— Что такое?

Голос Дун Чуаня был хриплым, но выражение лица выражало заботу. Хотя низ живота уже упирался в него, он всё же остановил руку, наблюдая за каждой его реакцией.

Это был его личный маленький кинозвёздочка.

Чэн Пэнфэй покачал головой, покорно раздвинул ноги и сказал:

— Будь джентльменом...

— Не говори таких слов, они меня заводят.

Дун Чуань целовал его за ухом, а движения руки становились всё нежнее.

Сяо Даньта свернулся клубочком в кошачьем домике и зевнул, игрушечная рыбка, которую он вчера разгрыз, лежала рядом. Он взял в рот рыбный хвостик, жалобно мяукнул и положил его на лоб своего хозяина. Тот, весь красный, лишь отмахнулся от него и взмолился:

— Дун Чуань...

Сяо Даньта получил строгий взгляд от другого хозяина и тут же спрыгнул с дивана.

Рыбка сломана.

Его хороший хозяин, кажется, тоже мог сломаться.

Скоро Новый год, и все в компании, независимо от того, были у них в этом году достижения или нет, думали о том, как хорошо поработать, чтобы встретить праздник.

После подписания контракта у Чэн Пэнфэя на следующий год должны были начаться съёмки в одном фильме и одном сериале. Очень напряжённо, но по сравнению с коллегами, которые снимаются в мыльных операх, это ещё считалось свободным графиком.

Рано утром он пришёл в компанию, держа в руке пакет с цельнозерновым хлебом.

Хэ Хайтан был мелким хулиганом, и, судя по своему собственному образу в подростковом возрасте, сейчас он точно не подходил. Нужно было ещё похудеть, а лучше бы даже чтобы на лице выскочило парочку прыщей.

Но прыщи можно было создать с помощью грима, а вот над фигурой придётся работать самому.

Рядом Сяо Цзинь ел сэндвич с сыром и говядиной. Запах сыра был очень аппетитным, в сочетании с нежирной говядиной и майонезом.

— ... Брат Фэй, может, я куплю тебе один?

Чэн Пэнфэй с каменным лицом поднял руку и откусил сухой кусок хлеба:

— Не надо.

Нельзя толстеть.

Они вышли из лифта и направились прямо в кабинет Сюй Ипина.

В комнате, помимо него, был ещё один мужчина, в пальто и водолазке, с приятными чертами лица.

Увидев Чэн Пэнфэя, он первым поднялся и протянул руку для рукопожатия:

— После просмотра «Безумца» очень хотел с тобой познакомиться. Мы в одной компании, под одним агентом, но почему-то никогда не встречались.

Чэн Пэнфэй понял и кивнул:

— Брат Чэнцзе.

Цзян Чэнцзе улыбнулся, ему уже было за тридцать, но одевался он как двадцатилетний и хорошо сохранился. Сейчас он как раз находился на этапе перехода, сниматься в молодёжных сериалах уже было нельзя, а для больших экранов, где требуются мастера, нужна очень высокая актёрская подготовка. Если только ты не такой знаменитый, как Дун Чуань, или не привлёк внимание режиссёра, как Чэн Пэнфэй, то получить роль в кино очень сложно.

Переход, естественно, давался непросто.

Сейчас как раз нужно было немного популярности, вероятно, он пришёл к Сюй Ипину именно по этому поводу.

Сюй Ипин выглядел не очень хорошо, он сделал глоток воды и сказал:

— Чэнцзе, иди пока, у тебя сегодня ещё интервью с «Наньмэнь Энтертейнмент», пусть ассистент заранее закажет одежду.

— Хорошо, тогда я пойду. — Цзян Чэнцзе встал, похлопал Чэн Пэнфэя по плечу. — Увидимся, Сяо Фэй.

— Угу.

После его ухода Сюй Ипин незаметно вздохнул с облегчением.

<http://bllate.org/book/15547/1413534>